

Налогово-бюджетно-долговые кризисы в России и в государствах еврозоны: проблемы налоговых инноваций-контринноваций и отсутствия законодательной базы суверенных дефолтов

В статье рассмотрены причины фискальных кризисов в России и в странах еврозоны. Показано, что на смену контрпродуктивным принципам Вашингтонского консенсуса пришли не менее ошибочные рецепты финансовой консолидации. Обоснованы предложения: 1) о необходимости увеличения собираемости налогов путем использования инновационного подхода при налогообложении; 2) о создании международно-правовой базы урегулирования суверенных дефолтов.

Ключевые слова: налоговые инновации, дефолт, финансовая консолидация.

1. Суверенные дефолты – новое явление или застарелая проблема

События лета текущего года показали, насколько мировые финансовые рынки уязвимы к кризису суверенных облигаций. Не то что кризис суверенного долга, а даже сама угроза объявления частичного дефолта в США заставила очень сильно поволноваться инвесторов и привела к крупным проблемам на мировом финансовом рынке. Совершенно несопоставимая по масштабу проблема государственного долга Греции оказала не менее дестабилизирующее воздействие по той причине, что еврозона, вообще говоря - очень хрупкое образование. Наличие единой валюты в ней не подкреплено наличием единой бюджетно-налоговой системы, соответственно, нет государства, которое является эмитентом евро. Как известно, ЕС включает страны, не входящие в еврозону – такие как Великобритания и др. Соответственно, европейский монетарный союз вообще очень странное образование, а именно – некая часть Европейского союза, являющегося, как известно, и таможенным союзом, и интеграционным объединением, но не государством (хотя бы конфедерацией). И проблема заключается в том, что облигации греческого правительства, которые в теории являются важнейшим инструментом эмиссии безналичных денег центробанком. В США этот механизм (операции на открытом рынке с гособлигациями) давно считается наиболее предпочтительным способом эмиссии, а в годы финансового кризиса превратился в способ монетизации дефицита госдолга. Кроме того, ЦБ обеспечивает ликвидность гособлигаций, что делает их надежным инструментом размещения средств банками и другими инвесторами, а следовательно – расширяет на них спрос. Так, облигации Греции покупались далеко не

* Петров Юрий Александрович, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией финансово-кредитных механизмов экономического развития Центрального экономико-математического института Российской Академии Наук.

только греческими банками, и в случае дефолта по греческим облигациям очень сильно пострадают банковские системы в Германии и Франции. Поэтому не удивительна высокая активность, которую эти две страны проявляют в спасении греческого государства от банкротства. При этом, конечно, возникает очень много вопросов, в основном риторического характера.

Вопрос первый: если теперь даже странам еврозоны, США, Японии и другим (включая страны, имевшие недавно высшие рейтинги) грозят суверенные дефолты, то как получилось, что до сих пор развитые страны не подготовились к этой «дефолтной эпидемии»? Дефолты объявлялись не только в далекие времена, – в последние два-три десятилетия их было множество. Пресловутый Вашингтонский консенсус возник как реакция на массовые дефолты в латиноамериканских государствах в 1980-е годы, причиной которых была не только любовь к «жизни в займы», но и повышение процентных ставок ФРС, и высокая инфляция в семидесятые годы, не говоря уже про дефолты СССР и стран, возникших на его территории.

Так почему до сих пор не принята международно-правовая база, регулирующая поведение государств - кредиторов в условиях дефолтов? Необходимость такой международно-правовой базы очевидна, поскольку государства, в отличие от корпораций, не могут быть подвергнуты судебному разбирательству. Никто не может решить их судьбу, например, назначив внешнего управляющего или продав подконтрольные государству активы госкомпаний по частям. Пока до того, чтобы ликвидировать государство, выселить, депортировать все его население неизвестно куда, а всю территорию и предприятия продать по частям мы еще не дошли. И, думается, в ближайшие десятилетия этого не произойдет. Но раз так, можно сразу применить в случае суверенного дефолта принцип ограниченной ответственности, характерной для корпораций. Известно, что, корпорации отвечают по своим обязательствам в пределах имеющегося имущества. Когда мы говорим о суверенном долге, почему-то фигурируют величины типа ВВП, который собственностью государства не является. Это совокупный доход всех агентов экономики, включая те, которые никакого отношения к государству (прямого, по крайней мере) не имеют. Государство не может расплачиваться имуществом своих граждан или предприятий, работающих на его территории, для погашения требований кредиторов. Оно должно расплачиваться собственным имуществом или собственными доходами. Это первое.

Второе. Вообще говоря, налоги взимаются вовсе не для приоритетного удовлетворения требований кредиторов. Это делается для обеспечения производства общественных благ – «услуг» обороны, полиции, судов, фундаментальной науки, образования, культуры, здравоохранения, для выплаты пенсий, пособий, в частности пенсий, выплачиваемых из бюджета. Получается, что государство, по существу, располагает только своим имуществом, финансовыми активами, которые оно может использовать для погашения долга, и доходами от налогов, которые оно взимает. При этом очевидно, что такие доходы не могут и не должны целиком направляться на погашение обязательств перед кре-

дителями. По всей видимости, можно принять постулат о том, что государство при размещении займов выделяет часть своих налоговых поступлений, предположим, по одному налогу или по комплексу налогов, которая направляется на погашение и обслуживание данного выпуска государственного долга. Если поступления НДС резко уменьшатся - как произошло в Греции и других южно-европейских странах из-за снижения потока туристов и перехода их на более экономный тип расходов после разразившегося мирового кризиса; тогда и снижается объем, который государство обязано тратить на удовлетворение требований кредиторов. Насколько это их устроит не имеет значения, потому что они покупали облигации, обеспеченные определенной долей налоговых доходов. Если окажется, что этих доходов не хватает для погашения, тогда этот доход должен тратиться в первую очередь на выплату процентов. А погашение «корпуса» гособлигаций отодвигается –возможно, в бесконечность. Хотя когда ВВП страны и налоговые поступления так сильно увеличатся, что эти долги будут погашены. Сформулированные выше идеи конкретизированы в следующих разделах.

Как только мы принимаем принцип ограниченной ответственности государства, мы решаем проблему долговой ловушки. Сейчас при наступлении экономического кризиса возникает долговая ловушка, когда налоговые поступления падают, бюджет сводится с огромным дефицитом, как в Греции, и возникает проблема с рефинансированием погашаемых облигаций. Долговая ловушка создается тем, что ухудшение финансового положения приводит к падению рейтинга страны и повышению процентных ставок. Это, в свою очередь, усугубляет проблему с обслуживанием государственного долга, и увеличивает потребность в заемных финансовых ресурсах – возникает порочный круг или положительная обратная связь, делающая дефолт почти неизбежным. Поэтому МВФ и страны – лидеры еврозоны решили дать денег греческому правительству по ставкам ниже рыночных, и разорвать этот порочный круг. Но это не является решением проблемы, так как надежда на помощь «старших товарищей» развращает, или, как модно говорить, подает неверные сигналы странам-транжирам и их кредиторам. Аналогичная проблема сейчас налицо с банками, которые «слишком велики, чтобы рухнуть» – им не даст упасть государство.

Если применить предлагаемый автором подход, то окажется, что государство не должно рефинансировать долг, если у него произошло форс мажорное ухудшение доходов и привлечение новых займов будет затруднено. Главное, что ему не нужно будет резко урезать недолговые расходы для выплат по государственному долгу и любой ценой рефинансировать уже имеющиеся долги. Подобные условия должны формулироваться еще в проспекте эмиссии – тогда инвесторы будут об этом знать заранее. Но тогда они не смогут предъявлять претензии в том, что их обманули. В проспекте говорилось, что при возникновении определенных условий выплаты по государственному долгу резко уменьшаются.

Важным позитивным моментом предлагаемого механизма является то,

что не происходит тотального прекращения платежей по государственному долгу, инвесторы получают часть процентов в соответствии с пропорциями долга, и доходов бюджета, и непогашенная часть процентов долга накапливается. То есть падение цен этих гособлигаций в два-три-четыре раза маловероятно, по крайней мере, для таких стран, как Греция; не переживающих войну или развал государства, как страны – наследники бывших СССР и Югославии.

Еще один важный момент – то, что все кредиторы заинтересованы именно в максимально быстром восстановлении экономики, увеличении ВВП и налоговых поступлений, потому что это увеличит доходы, которые они будут получать. Они не заинтересованы в такой ситуации уничтожать государство путем объявления дефолта.

Хотя принципы корпоративного банкротства неприменимы к суверенным долгам, все-таки некоторые элементы внешнего управления должны вводиться в любом случае.

Во-первых, это относится к тем аспектам деятельности государства, которые не связаны собственно с суверенитетом. Это обеспечение международного контроля под эгидой МВФ над достоверностью бюджетно-налоговой статистики. Сейчас ситуация просто анекдотичная. Еврокомиссар говорит, что Греция – уникальный случай, там правительство систематически фальсифицировало финансовую отчетность – и никаких санкций не принято. Следовательно, должны быть приняты соответствующие соглашения об уголовном преследовании лиц, совершающих мошенничество на государственном уровне, например, искажают данные о состоянии государственного бюджета и долга. Они при этом обманывали иностранных инвесторов и кредиторов, а умышленно или нет делали это – уже неважно.

Во-вторых, это контроль за соблюдением условий проспектов эмиссии с очень серьезными санкциями за их нарушение. Причем нет необходимости и возможности наказывать народ и граждан за проступки или преступления отдельных должностных лиц, нужно сконцентрироваться на личной персональной ответственности таких чиновников и политиков. Принимая решения, нарушающие обязательства государства, указанные в проспектах эмиссии (например, объявляя дефолт до наступления условий, оговоренных в проспекте эмиссии), они совершают преступление. И должны наказываться Международным финансовым трибуналом. Иначе борьба за повышение ответственности чиновников за свои действия так и останется на уровне благих пожеланий.

Следует подчеркнуть, что только наличие четких условий в проспектах эмиссий гособлигаций (по сути, превращающих их в публичную оферту), позволяет столь жестко ставить вопрос о персональной ответственности чиновников и политиков. Нет четких и, главное, посильных обязательств – всегда найдутся оправдания типа «никто же не может платить долги во время кризиса».

Казалось бы, не такой уж важный, но на самом деле центральный вопрос – это обеспечение упреждающего действия всех указанных механизмов. Например, маастрихтские критерии (госдолг в пределах 60% ВВП и т.д.) были

всем известны. Но что делать при приближении долга к потолку?

Указанные критерии для государственного долга должны быть детализированы и развиты, потому что гораздо более важным, чем сама величина госдолга, является объем процентных платежей по нему и дисконты по бескупонным облигациям, которые и составляют величину первичного дефицита. Именно дефицит является ключевой величиной. Соответственно, то, что бюджетный дефицит может быть пять процентов, а величина процентных платежей три; означает, что государство изымает еще два процента ВВП для финансирования инфраструктурного проекта, который должен обеспечить повышение эффективности экономики и увеличение налоговых поступлений. А часть дефицита, предназначенная для выплаты процентов; это просто нагрузка на бюджет. Она уже задана ранее принятыми решениями об эмиссии облигаций с определенными условиями их обслуживания.

Еще одним критерием здоровья госфинансов является величина погашения долговых бумаг относительно ВВП и, следовательно, объем рефинансирования государственного долга. Если он чрезмерно велик, это также оказывает очень негативное воздействие на платежеспособность страны. И оценку этой платежеспособности должны давать рейтинговые агентства, служащие интересам инвесторов и кредиторов. Ведь рост объема этого рефинансирования приводит к повышению процентных ставок, которые в будущем окажут негативное влияние на выполнение критерия по первичному дефициту.

При планировании эмиссии необходимо учитывать возможные резкие колебания объемов необходимых заимствований для рефинансирования государственного долга. И в сглаживании этих пиков может быть высока роль МВФ с его низкопроцентным кредитованием, когда в период пика МВФ предоставляет средства, а потом изымает их обратно, жестко контролируя бюджетную дисциплину.

Преимуществом предлагаемого подхода является то, что в нем практически нет необходимости прибегать к списанию долга и прочим подобным мерам просто потому, что если размер долга и платежи по нему ограничены, то накопление соответствующих невыплаченных процентов уже не играет лимитирующей роли. Лимитировать объем долговых платежей будет обеспечение, прописанное в проспекте эмиссий.

Возникает проблема того, что центральные правительства-банкроты могут принимать законы, приводящие к перераспределению налоговых полномочий с тем, чтобы снизить их долю в расширенном правительстве. И здесь важна процедура контроля за изменением законодательства и налогового администрирования, с тем чтобы не допускать подобного мошенничества.

Еще одной важной проблемой является процедура присвоения международных рейтингов. Сейчас творится «форменное безобразие». Страны, имевшие государственный долг на уровне восьмидесяти процентов ВВП и бюджетный дефицит даже в период позитивного роста на уровне пять или шесть процентов ВВП, получали высший или очень высокий рейтинг со стороны так называемых

международных агентств – то есть трех американских агентств, действующих по американскому законодательству, «под колпаком» американских правительственных органов.

Много лет они явно завышали эти рейтинги. Теперь же, чтобы подтвердить свою беспристрастность, начали их снижать, оказывая этим проциклическое воздействие на рынки. Продолжать присваивать нереалистично высокие рейтинги не нужно. Проблема заключается в том, что колебание этих рейтингов синхронно с уровнем платежеспособности само создает проциклическое воздействие. Ведь при снижении рейтинга по данным облигациям для размещения средств в эти активы банкам требуется создание больших резервов по ценным бумагам, и, соответственно, они могут их приобретать только при более высоких процентных ставках. Тем самым порождается и долговая ловушка: ухудшение платежеспособности приводит к увеличению процентных ставок сейчас и ухудшению платежеспособности в будущем.

Существует заблуждение, что иммунитет суверенных должников от описания имущества и судебного преследования со стороны кредиторов, крайне выгоден для государств-банкротов и позволяет повышать надежность государственных финансов. То что это очевидная ошибка видно на примере внешнего долга. Суды в других странах охотно арестовывают имущество стран-банкротов по искам кредиторов. Россия живет под «дамокловым мечом» подобных конфискаций уже двадцать лет. Дело доходит до попыток ареста военных истребителей и парусников, не говоря уже о средствах посольств. Но главное – не это. Отсутствие международно-правовой базы регулирования суверенных дефолтов само по себе является фактором, ускоряющим их приближение и затягивающим процесс урегулирования споров государства с кредиторами. А ведь, как говорится, «лучше бесконечный ужас, чем ужас без конца». Кстати говоря, бесправие внутренних кредиторов государства порождает утечку капитала и прочие тому подобные вещи.

Все это является очевидным. И тем не менее, долговой кризис застал развитые страны врасплох. В чем причина подобной непредусмотрительности? И как теперь можно разрешить долговые коллизии, не породив коллапса рынков гособлигаций и кредитного сжатия? По мнению автора, возможно – «нет худа без добра». Может быть теперь, когда «жареный петух клюнул», проблема будет решена. Соответствующие предложения сформулированы в данной статье. Кроме создания правовой базы для суверенных дефолтов, автор считает необходимым обеспечение кардинального улучшения собираемости налогов, в том числе на основе использования государством инновационного подхода к налоговому регулированию. Это должно обеспечить защиту налогового потенциала от эрозии, вызываемой мощным потоком контрналоговых инноваций со стороны налогоплательщиков, использующих офшоры и трансфертные цены, притворные сделки и другие инструменты минимизации налогов, включая самые продвинутые финансовые инновации (деривативы etc.). Особую актуальность

указанные предложения имеют для России, в которой большая часть акций предприятий принадлежит офшорным компаниям, а уклонение от уплаты налогов стало в 1990-е годы национальным видом спорта. Теперь, после резкого снижения налогового пресса и «нефтебума», есть все внутренние предпосылки для достижения высокой собираемости налогов. Однако либерализация движения капитала и наличие разветвленной системы офшоров делает проигрыш российского государства в налоговой конкуренции с ними неизбежным. Для вывода экономики из ловушки затенения и офшоризации нужны нетривиальные и инновационные способы борьбы с минимизацией налогов и утечкой капитала. Пока что, к сожалению, активность мировой финансовой элиты направлена скорее на «затыкание течи», чем на проведение капитального ремонта прогнившего судна.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., в настоящее время породил тяжелый кризис государственного долга. Основной причиной возникновения долговой проблемы является проведение правительствами США и стран ЕС «чрезвычайно щедрой» финансово-монетарной политики с целью предотвратить наступление новой Великой депрессии (правительство Японии проводило ее уже очень давно). При всех различиях между тремя центрами мирового капиталистического хозяйства, у них имеются общие черты. Первая – превышение разумных пределов величины госдолга в процентах к ВВП (например, планки в 60%, установленной Маастрихтским договором). Вторая – снижение кредитных рейтингов и повышение стоимости обслуживания новых госзаймов, что создает долговую «ловушку» (рост процентов по заимствованиям увеличивает процентные расходы и дефицит бюджета, что ведет к снижению рейтингов и так далее). Третье – отсутствие политической воли к признанию наличия долговой ловушки, непосильности долгового бремени и невозможности обслуживания и погашения долгов многих стран, необходимости создания развитой законодательной базы для согласованных действий государств-заемщиков и их кредиторов в условиях объявления суверенных дефолтов. Четвертое – доминирование примитивного рестрикционного подхода к решению долговой проблемы без учета наличия системы положительных обратных связей (ПОС) между различными макроэкономическими величинами, порождающими «эффект мультипликатора». Пятое – пренебрежительное отношение мирового финансового истеблишмента (МФИ) к проблемам минимизации налогообложения корпорациями и физическими лицами, в том числе – с использованием налоговых контринноваций, теневых операций, утечки капитала, офшорной инфраструктуры и «дыр» в налоговом законодательстве, включая соглашения об избежании двойного налогообложения (СИДН) неофшорных стран с офшорными юрисдикциями.

По своему статусу МВФ является организацией, призванной вырабатывать рекомендации странам-должникам относительно способов преодоления долговых кризисов, а также могущей предоставлять низкопроцентные кредиты для преодоления долговой ловушки. Поэтому неверность таких рекомендаций

может сыграть негативную роль в развитии долгового кризиса, особенно если эти рекомендации имеют стандартный характер и применяются одновременно ко многим странам, попавшим в долговую ловушку. В таком случае времени на обнаружение ошибочности рекомендаций может не оказаться.

2. Политика финансовой консолидации – новое издание Вашингтонского консенсуса

В качестве рецепта преодоления долгового кризиса МВФ и другие влиятельные организации, особенно ЕЦБ и Еврогруппа, предложили рестрикцию бюджетных дефицитов (главным образом сокращения расходов), назвав ее «финансовой (бюджетной, фискальной, налогово-бюджетной) консолидацией». Суть ее проста: чтобы обеспечить обслуживание госдолга в условиях снизившихся из-за кризиса бюджетных доходов, необходимо сократить расходы, уменьшив дефицит бюджета. Однако, как говорится, «простота хуже воровства». Такая политика может дать эффект только при небольшом снижении расходов. Значительные рестрикции госрасходов (в реальном выражении) порождают воспроизводственный коллапс. Механизмом его разворачивания является хорошо известный эффект мультипликации спроса, используемый в кейнсианской модели экономической политики. Если на небольшую величину увеличить бюджетные расходы (например, путем денежной эмиссии), то это приведет к росту государственных закупок товаров и социальных трансфертов малоимущим гражданам, которые также направят их на увеличение покупок потребительских товаров. Увеличение конечного спроса приведет к росту выпуска «финишных» товаров, росту доходов предприятий «финишного» сектора, их собственников и работников, спроса на промежуточные товары – с аналогичными последствиями. При этом возрастут налоговые платежи в бюджет, что частично (а может быть, и полностью) компенсирует увеличение госрасходов.

Недостатком кейнсианской политики бюджетного стимулирования спроса является то, что при высокой степени загрузки мощностей бюджетный «допинг» приводит не к экономическому подъему, а к ускорению инфляции и подрыву стимулов к сбережениям и инвестициям в основной капитал. Однако в «обратном направлении» эффект мультипликации работает без ограничений, порождая воспроизводственно-бюджетный коллапс. Его механизм хорошо известен со времен Великой депрессии: сокращение бюджетных расходов влечет сокращение спроса, падение цен и выпуска продукции, доходов производителей и их прибыли, распределяемых дивидендов и заработной платы, занятости и налоговых поступлений в бюджет. А это, в свою очередь, приводит к увеличению бюджетного дефицита, сокращение которого было целью рестрикции расходов. Именно это и произошло в Греции в этом году – к великому изумлению «тройки» международных инспекторов (из Еврокомиссии, Европейского центрального банка (ЕЦБ) и Международного валютного фонда). «Снижение экономической активности оказалось значительно глубже, чем прогнозирова-

лось ранее», – сообщается в их октябрьском отчете о «проделанной работе». И далее: «По сравнению с перспективами, имевшими место несколько месяцев назад, ситуация с долгом существенно ухудшилась на фоне замедления восстановления, налогово-бюджетной консолидации и плана приватизации, а также перспективы рекапитализации банков, – говорится в отчете «тройки». – Чтобы направить решения в рамках экономической политики на устойчивый путь, Греция должна придерживаться строгих институциональных и политических обязательств для проведения долгосрочных и амбициозных реформ». [1]. То есть то, что их политика и вызвала провал государства в Греции, они даже не поняли и продолжают гнуть свою линию.

Вообще говоря, после нескольких витков рестрикций система может достичь «дна», только глубина экономического спада может многократно превысить исходное сокращение. Может, они хотят спровоцировать революции в «периферийных» странах еврозоны?

Ошибочность рестриктивной политики финансовой консолидации очевидна² всем экономистам, знакомым с историей возникновения и развития Великой депрессии в 1930-х годах. Особое беспокойство вызывает то, что она закончилась только после начала Второй мировой войны и, возможно, благодаря ей.

В связи с вышеизложенным, навязывание руководством МВФ Греции и другим странам PIIGS политики финансовой консолидации вызывает недоумение и обоснованные опасения за судьбу мировой (а следовательно – и российской) экономики. «Первый звонок» уже прозвенел. После начала применения этой политики в Греции еще летом ВВП упал сильнее, чем ожидалось, а госдолг в процентах к ВВП, соответственно, оказался больше ожидавшегося. Поэтому "тройка" (Еврокомиссия, ЕЦБ и МВФ) уже в сентябре задерживала 8-миллиардный транш помощи, требуя от Греции дополнительных сокращений, чтобы уложиться в согласованные целевые показатели дефицита бюджета. Но затем, поняв, что сокращения Грецией расходов в обмен на кредиты привели к более серьезному падению ВВП (за три года страна потеряла уже около 12%), они «сменили гнев на милость» и решили все же предоставить следующий транш. Более того, решено списать 50% госдолга. И вот теперь снова непонятный приступ энтузиазма. При этом политику финансовой консолидации в отношении других стран еврозоны никто не отменял. МВФ требует проведения такой политики даже от России с ее незначительным госдолгом³.

Рекомендации МВФ странам еврозоны резко контрастируют с политикой бюджетного стимулирования спроса, проводимой властями Японии и США. Возможно, действует правило: «Что позволено Юпитеру, то не позволено бы-

² Хотя реструктуризация расходов, повышение их эффективности, в том числе – путем сокращения неоправданных расходов, и возможна и необходима.

³ Возможно, для того, чтобы излишние доходы российского бюджета вкладывались бы в гособлигации США и стран Еврозоны с высокими кредитными рейтингами (а эти страны получали бы ресурсы для кредитования стран PIIGS).

ку»? Однако суть программы республиканской партии США, кандидат от которой, вероятнее всего, станет следующим президентом, также заключается в проведении политики финансовой консолидации. По-видимому, причина приверженности руководства МВФ этой политике все-таки сложнее, чем «вульгарный финансовый неоимпериализм». Сказывается, по-видимому, инерция длительного применения монетаристского, упрощенно-макроэкономического подхода к экономической политике после «победы» монетаристской экономической школы над «кейнсианской» в 1980-х годах. Главной причиной этой «победы» была неспособность последней обеспечить подавление высокой инфляции и преодоление стагфляции, поразивших экономику развитых капиталистических стран после «революции цен на нефть» в 1970-х годах. Эта революция произошла вследствие арабо-израильской войны 1973-го года, а вовсе не только из-за неудач кейнсианской экономической политики.

Кроме того, недостатком кейнсианской политики бюджетного стимулирования спроса является то, что при структурном (а не конъюнктурном) кризисе бюджетный «допинг» приводит к стагфляции. Однако преодоление структурного кризиса и стагфляции произошло не благодаря переходу к монетаристской экономической политике, а в силу естественной для капитализма адаптации производства к изменившемуся соотношению цен на энергоносители и другие факторы производства. Эта адаптация привела к снижению энергоемкости ВВП, спроса на нефть, цен на нее и, как следствие – к мощному ценовому «антишоку», позволившему затормозить инфляцию. В дальнейшем вовлечение в орбиту капитализма стран бывшего СЭВ и Китая позволило повысить прибыльность инвестиций, снизить темпы роста заработной платы путем перемещения трудоемких производств в Китай и временно создать избыток сырья (напомню, что в 1998 г. цена на нефть падала до 9 долларов за 1 баррель). Но все эти явления произошли не вследствие применения монетаристских правил экономической политики. К сожалению, ее адепты, занимающие ключевые посты в руководстве ведущих стран и МВФ, думают иначе. И так будет до тех пор, пока «гром не грянет» по-настоящему.

Следует отметить, что на самом деле, политика финансовой консолидации хорошо знакома россиянам. Только раньше она называлась рестриктивной бюджетной политикой и являлась первым принципом Вашингтонского консенсуса. Сейчас мы наблюдаем дежа-вю: в качестве инструмента или метода решения долговой проблемы развитых стран с высшими рейтингами, то есть колоссальной проблемы, которая сейчас может привести ко второй волне рецессии, нам предлагают те рецепты, которые вообще-то были сформулированы в качестве программы мер для оздоровления латиноамериканских стран, попавших в долговую ловушку в результате кризиса семидесятых годов. После распада СССР Вашингтонский консенсус использовали в 1990-е годы для выработки рекомендаций постсоветским государствам, причем не только для разрешения долговой проблемы, но и для проведения социально-экономических трансформаций - из централизованно планируемой экономики - в рыночно-

капиталистическую. Тогда Россия и другие постсоветские страны испытали на себе насколько вредны могут быть примитивные рекомендации МВФ, основанные на принципах Вашингтонского консенсуса, новое издание которого мы теперь наблюдаем. «Тремя китами» этого консенсуса были: рестриктивная финансово-монетарная политика, либерализация цен, торговли и производственной деятельности предприятий (дерегулирование экономики) и приватизация (передача государственных предприятий в частные руки). Поскольку эти реформы проводились одновременно, приватизацию осложняло отсутствие стабильных цен и оценок стоимости предприятий, а либерализация цен при отсутствии эффективных собственников (государственных или частных) и сохранении, тем самым, «мягкого бюджетного ограничения на предприятиях» привела к галопирующей инфляции. При этом в России дополнительными негативными факторами были: отсутствие национальной валюты в условиях сохранения под давлением МВФ «рублевой зоны» с 12 эмиссионными центрами; отсутствие многих институтов госрегулирования рыночной экономики и капиталистических предприятий; разрушенность государства вплоть до невозможности государственного контроля товаров и капиталов через границу, особенно с бывшими постсоветскими республиками. Императивное требование выполнения всех принципов Вашингтонского консенсуса привело к развитию в России воспроизводственно-бюджетного коллапса, тяжелейшие последствия которого не преодолены до сих пор. В частности, потеряно большинство производств легкой, машиностроительной и других отраслей с высокой степенью переработки продукции.

Коллапс в РФ был преодолен после дефолта и кризиса 1998 г. только благодаря длительному повышению цен на нефть, многократно увеличившему стоимость российского экспорта. Другой вариант завершения коллапса мы наблюдали на примере распада СССР. При этом следует заметить, что «стабилизация» цен и уровня ВВП в 1997 году была достигнута путем форсирования внешних заимствований (в частности, путем размещения ГКО среди нерезидентов по ставке в 80% годовых в пересчете на инвалютные эквиваленты, что делало крах пирамиды ГКО «неизбежным, неминуемым» (выражение В.И. Ленина). В результате поставленного МВФ и российскими властями эксперимента стало ясно, что «эффект мультипликации спроса» в экономике работает не только в большую сторону, но и в меньшую, а принципы Вашингтонского консенсуса противоречат экономической теории. Впрочем, это было очевидно после Великой депрессии 1930-х годов и без новых экспериментов на миллионах российских граждан⁴. Собственно говоря, бюджетное стимулирование спроса составляет основу кейнсианской модели экономической политики. Поскольку американским профессорам экономики было хорошо известно, к чему приводит рестриктивная бюджетно-монетарная политика в высокомоно-

⁴ Неадекватность принципов Вашингтонского консенсуса декларируемым целям оздоровления экономики была подтверждена, в частности, бывшим Старшим вице-президентом и главным экономистом Всемирного банка Джозефом Стиглицем. См. [2].

полизированной индустриально развитой экономике, логично было бы предположить, что они хорошо понимали последствия применения принципов Вашингтонского консенсуса в России. Другими словами, истинной целью применения в России Вашингтонского консенсуса, разработанного для латиноамериканских стран, попавших в долговую ловушку в 1970-е -1980-е годы, была как раз ликвидация высокотехнологичной российской промышленности. Эта «теория заговора» была весьма правдоподобна до недавно разразившегося долгового кризиса стран еврозоны и США. Однако теперь рестриктивная политика финансовой консолидации применяется к странам еврозоны. В чем причина использования в данной ситуации старых и многократно продемонстрировавших свою бесполезность рецептов?

Возможно, дело в том, что у МФИ просто нет теоретических основ для проведения антикризисных мероприятий. Они длительное время вообще думали, что кризисов больше не будет.

По мнению экс-министра финансов России А. Кудрина, мы впервые в истории сталкиваемся с системным кризисом суверенных долговых обязательств⁵. Вообще говоря, это не так. Последний дефолт был в России в 1998 году и до этого мы целое десятилетие жили в дефолтном или полудефолтном состоянии. Как, впрочем, и многие другие страны постсоветского мира. Кроме того, были и другие дефолты: в Аргентине, Мексике и так далее. Но главное, что сам Вашингтонский консенсус - это результат анализа дефолтов и проблемы очень высокой задолженности латиноамериканских стран, возникшей в 1980-е годы.

В чём же тогда принципиальная новизна вот этого дефолта? А дефолт этот нов тем, что он происходит с высокоразвитыми странами с высшими рейтингами, облигации которых накопили банки еврозоны, крах которых парализует ее экономику. Например, французские и немецкие банки накопили греческих облигаций. И теперь Саркози и Меркель вынуждены Грецию спасать. А как иначе - они же сами виноваты, что позволили американским рейтинговым агентствам, по недоразумению называемым международными, присваивать странам еврозоны высшие рейтинги. А высокие рейтинги позволяют банкам покупать облигации без образования резервов по ценным бумагам. И чиновники банковские, которые тоже бюрократы, накопили этих мусорных бумаг. Теперь политики еврозоны и ЕС вынуждены спасать не только эти банки, но и свою шкуру (имеется в виду – политическую). Потому что пока что их никто не посадит в тюрьму за обман инвесторов и налогоплательщиков. И результат налицо. По динамике бюджетного дефицита и госдолга видно, что проблема долгового кризиса Греции возникла давно. Долг накапливался ещё в девяностые годы, потом в 2000-е. Причем Греция наращивала долги даже в период хоро-

⁵ См.: «Сегодня там несколько серьезных локальных кризисов, включая кризис еврозоны, и ожидание второй волны глобального экономического кризиса. Причем возможные масштабы последнего сейчас предположить трудно, поскольку он может характеризоваться — впервые в истории — кризисом суверенных долговых обязательств» [3].

ших темпов роста. А один из базовых постулатов макроэкономической теории заключается в том, что для использования кейнсианской модели стимулирования спроса государства должны занимать в периоды кризиса и поддерживать спрос. А в периоды роста – отдавать долги и уменьшать спрос. Но греческое правительство занимало и в периоды подъема. Говорят, что «красиво жить не запретишь». Но возникает вопрос: а почему бы и не запретить?

Далее, в еврозону Грецию принимали «со скрипом», два года спустя после образования еврозоны. И это не случайно. Греция не подпадает под критерий отнесения страны к оптимальной валютной зоне, включающей Германию и Францию. Оптимальная валютная зона (ОВЗ), согласно теории Р. Манделла – это совокупность стран с одинаковой реакцией экономики страны на фазы экономического цикла. Обобщив, можно сказать, что ОВЗ – это группа стран с одинаковыми структурными характеристиками цикла деловой конъюнктуры. Например, если страна производит инвестиционное оборудование, у нее в период кризиса возникает проблема, так как инвестиции в первую очередь сокращаются. Другая страна производит «текущие» товары, спрос на которые менее сокращается во время кризиса перепроизводства. А третья страна производит туристические услуги. Это ближе к инвестициям, потому что в условиях кризиса люди не хотят тратить большие деньги на поездки к Эгейским островам. В результате у этих стран очень разная реакция на фазы экономического цикла. Грецию нельзя было принимать в еврозону не только потому, что ее население жило не по средствам, а потом подтянули пояса и через два года «вскочили на подножку уходящего поезда». Она в принципе не подходит для оптимальной валютной зоны евро. Это относится и к Португалии, а также, в меньшей степени, к Испании и Италии, там всё-таки есть развитая промышленность. Таким образом, эти страны не нужно было принимать в еврозону не только потому что они «жили не по средствам», а потому что они имеют другую реакцию на фазы делового цикла, чем Германия.

Таким образом, большую роль в выборе неверной политики финансовой консолидации играет субъективный фактор. В первую очередь речь идет о приверженности руководителей МВФ старым и привычным рецептам. Однако есть и другая причина - кажущаяся неразрешимость проблемы государственных долгов в условиях высоких бюджетных дефицитов и наступившей длительной полосы низких положительных или отрицательных темпов прироста ВВП в развитых странах. В то же время без разрешения кризиса госдолга в развитых странах невозможно обеспечить бюджетное стимулирование экономического роста. Рассмотрим возможные меры, соответствующие трем элементам бюджетного баланса: расходы, динамика госдолга и доходы.

Оптимизация расходов должна обеспечивать увеличение объема производимых общественных благ на единицу расходов, чтобы улучшить условия для производства продукции и услуг во всех секторах экономики. Эта проблема весьма сложна и не сводится к сокращению расходов.

3. Что потребуется изменить в управлении государственным долгом?

Предложение первое: надо признать, что большинство развитых стран попали в долговую ловушку и государственные долги обслуживать и рефинансировать не смогут. Поэтому дефолты неизбежны и необходимо принять законы, обеспечивающие автоматическое урегулирование долговой проблемы в случае объявления дефолта.

Основные принципы государственного дефолта должны быть таковы.

1. Ликвидация государств невозможна, равно как и ущемление их суверенитета. Поэтому инвесторы должны знать, что государства могут в любой момент объявить дефолт и аресты его имущества через суды невозможны.

2. Правила поведения государства в условиях дефолта должны обозначаться в проспектах эмиссии облигаций и устанавливаться специальным законом, принимаемым на основе стандартного образца, утвержденного МВФ. Страны, не принявшие такой закон, не получают никакого кредитного рейтинга.

3. Объявление дефолта означает, что все займы автоматически пролонгируются на неопределенный срок, то есть облигации временно становятся бессрочными.

4. Государство обязано направлять на обслуживание займов не менее 15% своих текущих доходов и не менее 5% ВВП. Если этих средств недостаточно, часть процентов капитализируются без выплаты процентов (чтобы долг не нарастал, как «снежный ком»). При этом устанавливается максимальная ставка процента для всех займов и облигаций, так что владельцы наиболее доходных облигаций дискриминируются. Это будет снижать стимулы к приобретению «мусорных» облигаций.

5. Устанавливается контроль со стороны МВФ и клубов кредиторов за деятельностью правительства, чтобы оно не нарушало условий проспектов облигаций и норм закона о дефолте.

6. Государство может выпускать новые облигации, указывая в проспектах источники их погашения и обслуживания (например, какую-то долю доходов и ВВП сверх минимума, утвержденного законом о дефолте). По этим бумагам также может объявляться дефолт, отдельный от основного (хотя это выглядит, как противоречие в определении, на практике всегда урегулирование проблем дефолта осуществляется с учетом специфики отдельных категорий кредиторов).

7. Государство может создать специальное агентство для выкупа своих облигаций на рынке, которое наравне с другими кредиторами будет получать проценты. Постепенно это агентство может выкупить достаточную часть долга, чтобы после объявления о прекращении дефолта произвести взаимозачет требований агентства и правительства друг к другу. Это приведет к уменьшению валового госдолга и позволит повысить рейтинги страны.

8. В случае отказа от выполнения предшествующих принципов междуна-

родное сообщество объявляет санкции в виде конфискации части средств от экспорта товаров из данной страны, конфискации зарубежных активов резидентов и государства, отказа от предоставления режима наибольшего благоприятствования в торговле, введения ограничений на движение капиталов и т.д. Но этот случай маловероятен, так как вряд ли кто решится совершить «экономическое самоубийство».

9. Самый главный принцип – в случае, если государственные чиновники искажали или искажают финансовую отчетность с целью манипулирования рейтингами, рынками, инвесторами, последние вправе подавать на них в специальный уголовный трибунал для расследования финансовых преступлений государственных чиновников, нанесших ущерб иностранным кредиторам. К юрисдикции данного трибунала относятся и расхищение бюджетных средств, если национальные правоохранительные и судебные органы не выполняют национальное уголовное законодательство.

Почему нужны уголовные санкции за долговые мошенничества государственных чиновников и руководителей рейтинговых агентств, банков и других институциональных инвесторов в облигации? Потому, что безнаказанность всегда порождает безответственность. Так, по словам комиссара Евросоюза по валютной и экономической политике Олли Рена, «Греция является уникальным и частным случаем для ЕС - единственным государством-участником, которое долгие годы фальсифицировало свою статистику» [4]. Однако никаких санкций в отношении виновных в государственном финансовом мошенничестве не последовало. Олли Рен высказался в поддержку действий греческого правительства по преодолению кризиса и выразил надежду на скорейшее разрешение вопроса. Это очень плохой сигнал для других политиков и чиновников.

Каковы будут последствия введения законодательства о дефолте, основанного на предложенных принципах? В настоящее время кредиторы и инвесторы панически боятся дефолтов во-многом потому, что объявив дефолт и лишившись выхода на ссудный рынок, правительство страны-должника теряет стимул к обслуживанию своих займов. А активы, не приносящие вообще никаких доходов – это мусорные активы. Возникает ситуация «перетягивания канатов» между государством и клубом его кредиторов. Переговоры с угрозами судебных исков тянутся годами, дестабилизируя экономику страны. Если же обслуживание долгом будет осуществляться бесперебойно, хотя и в урезанном размере, но в посильных для страны объемах, то и соответствующие финансовые инструменты (кредиты и облигации) не обесценятся слишком сильно, кредиторам не придется показывать огромные убытки, эти бумаги могут даже сохранить ликвидность. Исчезнет необходимость в длительных переговорах с неясным исходом и непрозрачными правилами.

Итак, можно сделать **выводы**.

Вывод первый: долговой кризис – рукотворный, так как нарастание долгов происходило неконтролируемо.

Вывод второй: нужно было заранее, спокойно, методично создавать пра-

вовую базу для поведения инвесторов и государств в условиях дефолта по суверенным обязательствам. Существует развитая система правового регулирования банкротства предприятий. Всё прописано: и внешнее управление, и распродажа по частям имущества, и (для социально значимых предприятий) поддержка государства, и санация, и очередность выполнения требований кредиторов. Есть разные версии процедур банкротства. Более того, кредиторы знают, что государственному предприятию давать кредит опасно, потому что его нельзя обанкротить. А государства кредитовать можно, хотя их обанкротить тоже нельзя. Международное законодательство о суверенном дефолте нужно срочно принимать. Причем не в связи с Грецией, это поезд уже ушёл, но есть уже «очередь» на дефолт.

Вывод третий: следует учесть опыт Ф. Д. Рузвельта. Он использовал в своё время кризис для того, чтобы принять законодательство о социальной защите. Он понимал, что в благополучной ситуации ему не дадут такую реформу провести. Конечно, он продлил из-за этого Великую депрессию, но зато создал основу для процветания на следующие десятилетия. Соответственно, сейчас нужно создать международную правовую базу для регулирования дефолтов государств, заложив основу для развития на здоровой основе в XXI веке

Вывод четвертый: принцип ограниченной ответственности несомненно подлежит применению к дефолтам государств. Сейчас они должны платить все долги и проценты по ним, а когда они не могут выполнять обязательства, кредиторы собираются и объявляют дефолт. Но дефолт – это означает «всеобщий», то есть государство ничего не платит, но полностью отрезается от новых заимствований. Наступает полный хаос.

Рассмотрим, например, последствия настоящего дефолта Греции? Во-первых, коллапс, бегство миллионов людей в еврозону. И, естественно, глубокий обвал на финансовых рынках. Это понимает «тройка». Но решение об уменьшении объёма обязательств Греции наполовину абсурдно. Это же позитивный сигнал для всех, кто хочет проводить безответственную долговую политику. Поэтому не надо списывать долги. Нужно полностью изменить систему мотиваций у участников кредитно-долговых отношений. Сейчас рейтинговым агентствам предлагается перейти от взимания платы за присвоение рейтингов с эмитентов бумаг к получению платы от пользователей информации о рейтингах. Аналогичную задачу придется решить и применительно к долговым отношениям. Кредиторы должны быть заинтересованы в оздоровлении экономики, а не в том, чтобы её «топить» окончательно.

Если в проспектах эмиссии указывать, что государство на обслуживание и погашение данного выпуска облигаций резервирует, скажем, какую-то долю налога на прибыль, на доходы физических лиц, на имущество, то инвесторы и кредиторы будут уверены, что они получают часть процентов. Следовательно, бумаги будут ликвидны,

При такой системе обслуживания долга дефолт всегда будет частичный, потому что по одним бумагам будет хватать средств, а по другим – нет.

При этом нужен тотальный контроль со стороны МВФ за транспарентностью, за контролем исполнения законодательства.

4. Следует повысить налоговые доходы бюджетов без повышения налоговых ставок

Повысить налоговые доходы бюджетов без повышения налоговых ставок возможно только путем проведения эффективной политики противодействия минимизации налогообложения, скоординированной на международном уровне. Ведь если мы смотрим доходы и расходы, нужно всё-таки подумать о том, как доходы увеличивать, а резервы увеличения доходов огромны. При решении проблемы кризиса суверенных долгов необходимо учитывать обе стороны уравнения – и доходы и расходы бюджета. К сожалению, в настоящее время основные усилия направлены на сокращение расходов, так называемую финансовую консолидацию. При решении проблемы урезания этих расходов в значительной степени демонстрируется, можно сказать, творческий или инновационный подход: повышение пенсионного возраста или лишение госслужащих Греции дополнительных выплат жалования и т.д. При этом, к сожалению, допускаются грубейшие ошибки, связанные с игнорированием или вызванные игнорированием важнейших результатов макроэкономической теории, в частности, существование эффекта бюджетной мультипликации, а именно снижение государственного спроса снижает объем продаж и налоговых поступлений. Получается положительная обратная связь: снижение расходов приводит к снижению доходов и т.д. до бесконечности. Подробно этот механизм проанализирован выше. Мы должны посмотреть и в другую сторону бюджетного баланса: на доходы. К сожалению, увеличению доходов уделяется недостаточно внимания. В основном дело сводится к повышению налоговых ставок, что неудовлетворительно потому, что в условиях глобализации экономика развитых стран, в том числе и еврозоны, приходится конкурировать за инвестиции с развивающимися странами, в которых налоговое бремя может быть гораздо ниже и, главное, гораздо слабее экологические ограничения и ниже защищенность прав трудящихся. Капиталу комфортно переносить туда грязные и трудоемкие производства.

Не менее важным резервом для решения налоговых проблем является переход от дирижистского подхода к налоговому регулированию экономики к инновационному, основанному на результатах и терминах, понятиях теории инноваций. Налоговая реформа при этом подходе рассматривается как разновидность инноваций, которые могут быть монументальными или улучшающими и наиболее важным законом внедрения и распространения таких инноваций является наличие сопряженности между различного рода институтами, которые взаимодействуя, дают определенный уровень собираемости налогов. Например, без достоверной и развитой системы бухгалтерской отчетности очень трудно обеспечить надежность и достоверность налоговой отчетности. Без системы безналичного денежного оборота огромная часть экономики может функцио-

нирывать в теневом режиме и повышение налоговых ставок приводит к выдавливанию экономической деятельности в тень с соответствующим падением налоговых поступлений. Самая трудная проблема для любого налогоплательщика - это утечка капитала, использование офшорных компаний и фирм, и юрисдикций для создания схем минимизации налогообложения и т.д. Можно констатировать, что развитие офшорного бизнеса привело к «переходу количества в качество», когда огромная часть налогового потенциала уходит в тень. Это в первую очередь характерно для европейских стран, стран еврозоны с очень высоким относительно даже США и России с ее высоким налоговым бременем на зарплату, включая социальные налоги и взносы. Только в воспаленном воображении некоторых апологетов перераспределительной системы пенсионного обеспечения солидарная система взносов на социальную защиту считается системой социального страхования. В ней нет ни одного основополагающего принципа страховой деятельности, поэтому речь идет о social security или взносах на социальную защиту. Это разновидность целевых налогов с некоторыми элементами эквивалентности, поэтому они имеют двойственный характер – и налоги, и институты социальной защиты. Но они создают огромную налоговую нагрузку и в странах еврозоны, и в России. Решение проблемы дефолтов невозможно без соответствующей бюджетно-налоговой реформы.

Итак, концепция того, что урегулирование долговых кризисов должно базироваться на снижении расходов, очень опасна, поскольку приводит к неизбежному возникновению воспроизводственного коллапса, подобного тому, который был в России в 90-е годы. Необходима реализация противоположной концепции увеличения налоговых поступлений - не путем повышения ставок и извлечения из экономики средств и направления их на непроизводительное потребление ресурсов, - вместо направления их на инвестиции. Речь идет о изъятии доходов, которые в настоящее время не расходуются производителем, а укрываются от налогообложения, вывозятся в офшоры, и там накапливаются, в частности, путем вложения в гособлигации американского казначейства. Ведь в офшорах нет адекватного рынка ценных бумаг, который может использоваться для вложений. В связи с этим возникает вопрос о МИП офшорных стран. Это крайне актуальная проблема.

В мире уже создалась целая индустрия ухода от налогов. Это офшоры как убежища для финансового капитала, и множество «налоговых схем», которые являются налоговыми инновациями. Более того, они представляют собой налоговые контринновации, поскольку направлены на обход усилий государства по повышению собираемости налогов. Вот эти налоговые схемы с участием офшорных компаний вместе с утечкой капитала значительно уменьшают налоговые поступления в бюджеты. Недавний пример весьма показателен. US Rusal в отчете за 2010 год официально объявила, что эффективная ставка налога на прибыль составила пять процентов. Эта ставка получается следующим образом. В основном прибыль показана в офшоре (о. Джерси), а там ставка налога на прибыль нулевая. По ставке 20% облагалась прибыль дочерних пред-

приятий в России. В ней произведено 97% алюминия группы компаний, но прибыль этих заводов составляет лишь четверть прибыли группы. Три четверти прибыли получают офшорные дочерние фирмы-трейдеры. Что это за прибыль, понятно - это трансфертная прибыль, перераспределяемая из заводов в России с помощью трансфертного ценообразования. То есть схема минимизации налогов. И компания официально заявляет: вот как хорошо мы работаем.

Кто виноват, понятно. Вопрос лишь, что делать?

Охарактеризуем кратко предложения по использованию инновационного подхода к налогово-бюджетному регулированию в условиях глобализации финансовой системы, либерализации трансграничного движения капитала и транснационализации производства:

1) Перейти от «обмена информацией» к прямому пресечению теневого оборота, утечки капитала, отмывания незаконно полученных доходов и «воровства налогового потенциала» со стороны офшорных стран. Недавно Германия предъявляла претензии Ирландии, что у той налог на прибыль 12,5%. А внешняя помощь потребовалась более 100 млрд. евро. Это полуофшор. Но Ирландия отказалась повышать ставку налога на прибыль. А помощь ей все равно предоставили. Так что прежде всего следует изменить отношение к нечестной налоговой конкуренции.

2) необходимо наладить мониторинг потерь налоговых поступлений в «неофшорных» странах вследствие операций их компаний и физических лиц с офшорами;

3) необходимо получить данные о платежном балансе и международной инвестиционной позиции от всех офшоров в страновом разрезе (под эгидой МВФ);

4) «неофшорным» странам следует расторгнуть все договоры об избежании двойного налогообложения с офшорами и полуофшорами;

5) следует оценить использование налогового потенциала с учетом утечки капитала;

6) при оценке налоговой нагрузки на экономику по доле налогов в ВВП следует корректировать ВВП на величину чистого экспорта товаров и услуг и других элементов ВВП не облагаемых налогами.

Подробно программа мер по увеличению налоговых поступлений с использованием инновационного подхода приведена в [5-8].

Возвращаясь к нашей теме, ключевым средством решения проблемы кризиса суверенных долгов и еврозоны в первую очередь, США тоже, и методологической основой решения этой проблемы является инновационный подход к налоговому регулированию. Суть его, в частности, в том, что не только государство рассматривается как налоговый инноватор, но и налогоплательщики. Все финансовые инновации, направленные на создание налоговых схем ухода от налогообложения разрабатываются сотнями тысяч квалифицированных специалистов. И понятно, что перещеголять их не получится. У государства есть другие рычаги и инструменты, связанные в частности с изменениями законода-

тельства, обязательными для всех правил. Но это означает, что ликвидация офшорных «дыр» в едином налоговом поле предполагает закрытие всех офшорных «гаваней» - естественно, не с помощью политического принуждения, которое, я считаю, можно было бы применить и с большим правом, чем, скажем, это было сделано в отношении правительства Ливии. Но учитывая то, сколь могущественные интересы завязаны вокруг офшорного бизнеса, это можно сделать только путем последовательной реформы и инициативы в рамках политики демократически избранных правительств, а именно создание Всемирной налоговой организации и принятия определенных правил, которые исключат воровство налогового потенциала и ограничат налоговую конкуренцию за чужими доходами разумными пределами.

Список литературы

1. Государственный долг Греции неприемлем // <http://asiareport.ru/index.php/news/8510-gosudarstvennyj-dolg-greczii-nepriemlem.html>.
2. Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8.
3. Бортом к волне Алексей Кудрин о краткосрочных и долгосрочных рисках бюджетной политики в РФ // Газета «Коммерсантъ», №195 (4736), 18.10.2011 .<http://www.kommersant.ru/doc/1797533>
4. Худший кризис столетия впереди? 05 мая 2010 года <http://www.interfax.ru/print.asp?sec=1447&id=135541>
5. Петров Ю.А. Инновационный подход к развитию российской налоговой системы (концептуальное обоснование с учетом итогов анализа ее реформирования в десятилетней и всей постсоветской ретроспективах). Части 1 и 2 // Российский экономический журнал. 2010. № 6.; 2011. № 1.
6. Ю.А. Петров. Анализ влияния налоговых инноваций на полные ставки налогообложения распределяемой прибыли и заработной платы в России в 1992-2011 гг. // Российский экономический интернет-журнал. 2011.
7. Петров Ю.А., Карапетян А.К., Жукова М.В., Афолина С.В. Анализ влияния налоговых инноваций на номинальные и эффективные ставки налогообложения прибыли, доходов физических лиц в виде дивидендов и доходов от занятости в России в 1992-2011 гг. // Российский экономический интернет-журнал. 2011.
8. Петров Ю.А. Гармонизация налоговых систем и налоговые инновации как способы противодействия минимизации налогов, теневому бизнесу, утечке капиталов и «офшоризации» глобальной финансовой системы // Российский экономический интернет-журнал. 2011.